

Продавец унитазов / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Продавец унитазов / рассказ ПРОДАВЕЦ УНИТАЗОВ

Что делать молодому человеку 26 лет от роду, только что окончившему дешевый колледж по абсолютно ничего не значащей и подозрительно звучащей специальности «Криэйтив райтинг»? Что делать человеку с надуманной, но имеющей официальное подтверждение профессией? И не забудьте, что «творчески писать» или говорить на языке той страны, где пребывал, он абсолютно не мог. То есть устраиваться на радио, телевидение или в газету было бесполезно. Дипломированный тип почесал затылок и пошел в жизнь, абсолютно не готовую к его приходу, эта жизнь кричала ему: «брысь под лавку искать булавку». После долгих тщетных попыток жизнь наконец сдалась, и грузный, оптимистически настроенный «творческий писатель» пролез продавцом-клерком в контору, занимающуюся экспортом и продажей сантехники из культурной Европы, где надеялся дожить до спокойной старости, повышая уровень удовольствия состоятельных американцев, использующих французские унитазы, разрисованные ван-гоговскими подсолнухами. Или итальянские джакузи, где вода булькает, дышит ненавистью и дерется, как фашист.

Вы когда-нибудь ждали Девушку на 23 Вест у выхода из метро F-линии? Вам знакомо чувство нетерпения при каждом подъезжающем поезде? Разве вы тайно не надеялись, что ОНА не придет, и можно будет спокойно вернуться в свою бесполезную жизнь, и никто не будет вселять в сердце иллюзии, что в жизни есть что-то еще, кроме немецких экспрессионистических умывальников, сухих и чудовищных в своей утилитарной простоте? Разве вы не надеялись, что облупленные стены и отпадающая плитка грязных станционных стен не увидят ЁЁ выходящей из вагона? Разве вы не говорили сами себе: «Больше ни в какие религиозные культы ради

секса я не вступаю»? Разве, когда Она наконец-то приехала с большим опозданием, вы не были несказанно рады?

Что-то есть особенное в небе, зависшем над Нью-Йорком. В России даже спокойный небосклон отдавал трагедией и нервировал. В Австрии мечтательная синева предназначалась только для тщательного, размеренного изучения сухими и скучными, как бухгалтеры, астрономами. В Италии небесная голубизна щедро радуется всех, в особенности художников и поэтов. В Америке небо какое есть, такое и есть. Здесь вообще об этом не принято говорить. Надо бы по этому поводу жалобу в Организацию Объединенных Наций накатать. Она всего в десяти кварталах отсюда. Пускай небо просто так не висит над головой! Пускай у нас небо будет как в Италии!

До отхода автобуса в пансионат остается еще 20 минут. Хватаешься за голову – презервативы! Забыл?! Идиот!! Что делать? Не хватало еще, чтобы все сорвалось из-за такой мелочи! Нельзя ей давать никаких поводов открутиться. Черт возьми, в кармане совсем нет мелочи! Подходишь медленно к Ней и просишь: «Слушай, у меня уже карманных денег не осталось. Надо бы сигарет купить. Там не купим. Там все это нельзя». Она протягивает двадцатник. Бежишь в ближайший магазин. Унылый пакистанец за прилавком листает порножурнал и причмокивает губами. Пачку сигарет и 20 презервативов. Постой! Три дня и две ночи. Чем черт не шутит, ведь 20 может и не хватить... Еще 20, пожалуйста. Пакистанец протягивает с уважением. Бегом назад. Вот уже садятся в автобус. Она. Вот сигареты, вот сдача. Чего так мало? Я купил там еще сигарет. Где они? Да вот только засунул их в рюкзак. Показал бы тебе, но они его уже в багажник засунули. Вот сука! Врать заставляет в открытую. Если я скажу, на что в самом деле ушла двадцатка, ты же мне пощечину дашь и выскочишь из автобуса как ошпаренная. А мне же врать – ровно что ножом по сердцу! А я же правду люблю! Я же

живу на свете, чтобы правду-матку найти! Чтобы эту правду в матку! В матку ее! В матку!

«Фонтаны Бургундии». Унитаз французский. Ручная разрисовка золотой краской под Мане. Босс сказал, что если покупаем дешевле 2000 долларов, то продаем в три раза дороже. Если больше 2000, то в четыре. Не унитаз, а сказка. Встроено радио, телевизор, термометр. Интересно, температуру чего он измеряет. Испражняйся – не хочу. О, клиент подошел. Дамочка в самом соку. Модель-миллионерша, наверное. Здесь, в нижнем Манхэттене, их хоть пруд пруди. Вам нравится? Какой вам надо расцветки? «Фонтаны Бургундии» бывают 20 расцветок. Вам кажется, что эта модель в выставочной комнате слишком яркая и броская? Хорошо. Вот вам каталог со всеми образцами. Какой вам больше нравится? Черный. Хвалю. По меньшей мере, в вас видна гениальная оригинальность. Я уверен, что вам понравится. Этот товар такому приятному человеку как вы, просто не может не подойти. Я пошел оформлять. Спасибо. Приходите еще.

Пришла пора описать Ее. Конечно, странно, что в романе еще не фигурировали имена героев, их трудовые характеристики, астрологические карты. По этому поводу стоит написать жалобу в Министерство По Соблюдению Традиций В Литературе (Отдел Имен И Фамилий). Но внешность Женщины – это больше, чем ее профессия. Если внешность девушки возбуждала – хотелось совокупиться с ней душой и телом, с последующим переходом в мелкобуржуазную стадию мещанской деградации. Если внешность оставляла желать лучшего, то тогда у «человека, для которого нет ничего святого», все равно было сильнейшее желание затянуть ее в постель; но не очень красивые женщины могли видеть сквозь писателя и отказывали ему еще чаще, чем красивые. А красивые совсем не отставали от некрасивых. Все, достали! Пока объяснял, почему хочу описать Ее внешность, так расстроился, что передумал вообще!

Как любезный читатель ещё успеет заметить, автор подло нарушит свое обещание не давать имена героям. Он так старался, чтобы Это было без главного героя, чтобы Он выглядел как Великое Непознаваемое Оно! А Она... Ну в общем, пришлось предать свои принципы опять. Как назвать главного героя? Имя должно быть покороче. Сильвестр? Силантий? Дормидонт? Всё это грубо и не эстетично. Пусть будет Олегом – коротко и ясно. (Самым любимым занятием «графомана» были самооскорбления. Как он себя только не называл! Так что не удивляйтесь, если на протяжении текущего романа вы увидите новые рекорды в области «развитого мазохизма»).

Теперь о Ней. Сразу пришло в голову «Инга». Большинство имен знакомых девушек автора начинались с буквы «И» и заканчивались на «А».

Интересным фактом остается то, что автор не испытывает никаких трепетных чувств к женщинам. Почему его не тянет дарить представительницам прекрасной половины человечества красные розы (покупать лучше на 86 улице с 5 до 6 вечера, можно еще не совсем увядшие приобрести по два доллара за штуку), посвящать стихи, защищать от бандитов? Все, что его волнует, – это секс. Секс и кусты, секс в кустах. Где его чувство моральной ответственности за судьбы мира, за судьбы грядущих поколений? Почему его абсолютно не волнуют расширяющаяся озоновая дыра и увеличение количества больных геморроем в Северо-Восточной Индии? Анализовавшие его психологи ужаснулись: полное отсутствие нравственных ценностей! Просто-напросто выродок!

В оправдание следует сказать, что Олег родился в бедном пролетарско-криминальном гетто. Его отец – мелкий торговый работник, жулик и алкаш – дал сыну за всю жизнь только один единственный совет: «Кто Сгрёб, Тот и Въеб». Этот совет к сексу не имеет ни малейшего отношения. А означает только: кто первым украл, тому и принадлежит.

На детской площадке у дома, где жил Олег, не переводились в доску пьяные пролетарии. Игравшие в песочнице малыши строили крепости из битых бутылок, а, чуть повзрослев, снимали с

валяющихся в грязи алкоголиков часы и кольца, если такие наблюдались. К женщинам у мальчишек было особое отношение: мальцы подходили, задирали подол и с любопытством рассматривали плоть и нижнее белье.

У отца была любовница, которая жила в соседнем подъезде нашего дома, и все ребята во дворе знали, куда и зачем бегают папаша будущего писателя. Они даже отрывали его от игр, указывая пальцем на неверного родителя, спешащего из одной парадной в другую. Папа подходил, давал мелочь, еще раз говорил кредо своей жизни («Кто Сгрел, Тот и Вьел») и бежал грешить дальше.

И вот сын такого папы вырос, получил высшее образование и пошел в жизнь. А как жить по совести – его никто никогда и не учил. Да и сам термин «совесть» был ему неясен. То есть полный моральный деградант. Слава богу, что еще не убийца. А то пришлось бы вам сейчас не Это читать, а «Нью-Йорк Таймс» – про циклоны на Мадагаскаре и инфляцию в Китае. А в этот самый момент вашего покорного слугу во все дыры употребляли бы отпетые уголовники.

Микроавтобус чихнул, дрогнул, пукнул газом и затрусил к Линкольн-Тоннелю. В нем находились почти дюжина человек. Они направлялись в пансионат в горах с целью оздоровиться душой и телом посредством занятий йогой. Девушка сидела рядом и заморожено смотрела в окно. Самое сладостное в путешествии – это не то, куда или с кем едешь. Самое сладостное – что через некоторое время ты не увидишь того, что вчера, позавчера, и т.д. уже приелось твоему взору. Пусть Нью-Йорк горит ярким пламенем со всеми его небоскребами, пускай всех уолл-стритовских маклеров схватят запоры, пусть все спортивные команды забегут на крыши горящих зданий и спрыгнут! Пусть всех остальных одолеет сифилис! Пусть в этом городе запретят делать нью-йоркские отбивные! Только так им и надо!

Но это, конечно, все быстротечно. Через какое-то время просыпаешься поздно ночью в Сент-Джозеф, штат Мичиган, смотришь на замерзшее озеро Мичиган, дышишь воздухом штата

Мичиган и... Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, куда не посмотришь – Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган и Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган...

Ты слушаешь монотонный шум прибоя, ходишь по центру города, надеясь встретить хоть кого-нибудь, будь это местный житель, марсианин или скрывающийся Элвис. Но за исключением непонятно откуда взявшихся японских туристов, никого нет.

Самым интригующим в Ней был взгляд. В нем одновременно уживались грации хищной тигрицы и прекрасной лани. От этих глаз все в душе и в штанах вставало и отказывалось возвращаться на первоначальные позиции. Ее очаровательная голова и шея прекрасно гармонировали с великолепным туловищем, немного пухлым, но от этого не менее приятным, и мощными спортивными ногами.

Недостатков в ней, конечно, тоже было немало, но рассказывать об этом, или нет – автор пока не решил. Вдруг, в конце, они поженятся? Зачем же плевать в колодец? Но, может, он Ее и убьет. Будет пламенно и нежно любить, но опустится до банальности и все равно убьет. Не зря в описании он употребил слово «туловище». Это термин из лексикона убийцы-каннибала, расчленяющего тело своей жертвы, варящего из этого самого туловища прекрасный питательный и вкусный суп и бесплатно угощающего им бездомных на церковной паперти в Гарлеме.

Но при всем желании невозможно пройти мимо ее отвратительного голоса. Тембр и тональность одного были аналогичны скрежету железа по стеклу. К сожалению, с ней хотелось только заниматься сексом и ничем больше. Но и это неплохо. В жизни Олега были женщины, с которыми даже и этого не сильно хотелось. Но он брал себя в руки, вспоминал суровое полукриминальное детство в пролетарском гетто, папу и доводил начатое до логического и физического конца.

Через несколько дней после начала работы босс пригласил Олега в кабинет. Прикрыв дверь и выжидая, пока босс окончит телефонную беседу, писатель рассматривал обстановку. Стены офиса украшали грамоты Американской Ассоциации Экспортеров Бытовой Сантехники и меню дешевого китайского ресторана

«Великая Китайская Стена». На столе вперемешку лежали цветные рекламные брошюры, алюминиевые краны и остатки жареного цыпленка, наверное, с этой самой «Великой Китайской Стены». Наконец, босс повесил трубку. В душу Олега закралось недоброе предчувствие. Может, сегодня будет его «последний и решительный бой», то есть уволят, то есть выгонят назад в суровый мир, где надо каждую секунду думать о деньгах или искать повод не покончить жизнь самоубийством. Но босс был настроен миролюбиво. Он

спросил:

– Ну, как работается?

– Хорошо. Стараюсь.

– Я вижу, что ты стараешься, но я должен тебе кое-что объяснить. Ты знаешь, чем моя компания и сама наша индустрия отличаются от других?

– Ну... мы продаем предметы роскоши.

– Ты ничего не понимаешь! Ты знаешь, что в нашей промышленности не было ни одного судебного процесса из-за сексуальных домогательств. Здесь люди гораздо циничней и проще. Туалет – единственное место на свете, где человек остается сам с собой. Не зря в ванной комнате homo sapiens чаще всего абсолютно гол. Мы продаем товар, возвращающий человека в первобытное состояние. Мы панки, анархисты, мы революционеры! Вот, кто мы на самом деле! Что тебе менеджер сказал делать на этой неделе?

– Изучаю коллекцию «Фонтаны Бургундии». Еще цены в компьютере изменяю.

– Что он делает? Завтра читай это.

Босс бросил ему книжку и опять стал ругаться по телефону с кем-то из поставщиков в Италии. Книга называлась так: «Как Сбросить Узы Цивилизации За 24 Часа И Заработать На Этом Кучу Денег». Автор имел ученые степени по психологии, теософии и философии. Олег вспомнил, что недавно в газете промелькнуло сообщение о том, что на этого известного писателя подала в суд бывшая любовница. Профессор заставлял ее кусать себя за левую ляжку во время секса, и теперь у нее психологическая травма: она не может нормально спать с другими мужчинами. Ей хочется

опять их больно кусать за левую ляжку. Для того, чтобы эта травма залечилась, профессору, видимо, придется отстегнуть три миллиона долларов.

За окном автобуса обнажилась Природа. Дети мегаполиса, уставшие от телефонов и телевизоров, стали жаться друг к другу. Внезапно они почувствовали, что цивилизация кончилась. В воображении Олег Ингу во все дыры заделывал. А ничего не подозревающая девушка сидела рядом и вспоминала московский загородный дом отдыха, где у зеркального пруда с белыми лебедями она отдала свою девственность отдыхавшему там же космонавту, который недавно вернулся с околоземной орбиты и хотел вспомнить все то, чем хороша эта планета. Как это было прекрасно и возвышенно! Молодость пролетела. Через год уже тридцатник. У подруг семьи, дети, а у нее? Куда она едет? Зачем? С кем? Она же его третий раз в жизни видит.

Гуру осмотрел свое притихшее племя и тихо и печально запел:

– Хари-ом, хари-ом, хари-хари-хари-ом.

Группа мгновенно подхватила. По салона разнесся грустный мотив.

– Хари-ом, хари-ом, хари-хари-хари-ом. Хари Кришна, хари-ом, Хари Кришна, хари-ом.

Во всем салоне только сидевшие на заднем сидении парень с девушкой не пели – там старательно совершался минет.. Олег злился на них за разрушенные фантазии. Инга сидела притихши. Это йоговское путешествие начинало ее нервировать. Она всегда была далека от религий и сект. Она даже не подозревала об их существовании. Где-то читала, что, исполняя религиозный культ, приносили в жертву девственниц. Хотя она была далеко не девственница, все равно ей стало немного не по себе. Девушка ругала себя за то, что согласилась на эту поездку. Вполне возможно, что эти странные люди были менее фанатичны и могли принести в жертву не только девственницу. С таким религиозным экстремизмом Инга была принципиально не согласна.

– Алло! Здравствуйте. Я у вас заказала унитаз «Фонтаны Бургундии» черного цвета месяц назад. Почему еще не привезли?

– Унитазы производятся во Франции. Приблизительное время доставки – шесть недель.

– Мы уже заканчиваем достраивать дом. Что же происходит?

– Не волнуйтесь, максимум через пару недель «Фонтаны» у вас будут.

– Алло! Это опять я. Уже прошло два месяца. Где моя «Бургундия»?

– Хорошо. Я постараюсь выяснить причину задержки.

– Алло! Джоанна? Набери мне Францию, Пьера. Алле. Vous parlez francais. Je ne sais pas francais. Parlez vous anglais? Да-да, здравствуйте!

Извините за мой плохой французский. Я в колледже учил французский всего два семестра, но провалил экзамены. У меня глубокая любовь к Франции, а способностей к языкам – с гулькин нос. Во-во, а я о чем. С кем я говорю? А Антуан! Мне надо знать, почему еще не прибыл наш заказ. Номер 3478 все еще. Ты не знаешь? А кто знает? Где там Пьер? Как у любовницы? А работать кто будет? Лоретты?! Я так и знал. Переключи меня на нее.

– Лоретта! Привет! Это Олег из Нью-Йорка. Ты помнишь, вы с Пьером приезжали, и я вас в русский ресторан водил? Ну да, босс мне приказал вас развлечь. Мы там славненько поддали. Цыгане тебе понравились. Да, цыгане – они мощные люди. Где там mon ami Пьер? А, Пьер-Пьерушка, привет!

– Лоретта на меня злится.

– Чего вдруг?

– Она хочет, чтобы я от жены ушел. Олег, спаси меня. Только ты один меня понимаешь. Я же благородный человек. Как я могу уйти от нее? Я же с ней почти полвека вместе. У меня же, кроме Лоретты и жены, никого больше нет. У меня же широкая душа. Ты из России. Ты меня обязан понять. Как там у вашего Лермонтова... «А он, безумный. ищет бури, как будто в буре есть покой». Это

же про меня. Ай, Лоретта, не бей меня. Она выхватывает у меня телефон.

– Олег! Ему уже седьмой десяток идет. У него гастрит и геморрой. Сигары курит днем и ночью. Куда ему еще жена? Он уже и так почти импотент.

– Лоретта, ты полностью права. Дай ему, пожалуйста, трубку. Пьер, я твой друг, ты меня знаешь. Лоретта – золотая женщина. Слушай ее. Она тебя любит.

– Ты так считаешь, Олег?

– Да. И мне также надо знать, что там с нашим последним заказом.

– «Фонтаны»? Они уже готовы.

– Так что случилось? Почему они ещё не в Нью-Йорке?

– Тут в Марселе забастовка портовых рабочих уже третью неделю.

– Как забастовка???

– Что здесь такого? Вот недавно забастовка проституток была. У нас

тут все время кто-то бастует.

– А что они хотят?

– Тут нашествие албанских проституток, которые гораздо дешевле и делают всё. Наши хотят, чтобы их лишили налоговых льгот, как беженцев, или хотя бы запретили им анальный. Наши мужики тут с ума по этому поводу сходят.

– Да кому эти бляди нужны? Я портовых имею в виду! Рабочих! Которые сейчас бастуют!

– А, эти! Зубную страховку.

– Что, нету зубной?

– Есть, но слабая. Каналы не включает.

– А, каналов им захотелось!

– Да, зубная боль – дело серьезное.

– И долго они так будут?

– Грозятся что полгода...

– Пидоры!

После долгого карабканья по узким горным дорожкам микроавтобус

вполз в ворота пансионата, расположенного прямо на горе. Было около 10 вечера. Кромешная тьма заставляла ходить на ощупь. Народ вылезал из машины, желая невиданной красоты, которая должна была их духовно обогащать. В холле административного домика сидела девушка. Она была симпатичней Инги в тысячу раз. Пришла пора платить за предстоящее духовное удовольствие. Инга заплатила кредитной картой за номер на двоих. Олег ей отдал за себя ещё раньше. Девушка-клерк сказала:

– У нас сегодня в 11 известная шаманша Ране из индейского племени из Канады проводит «Потный Шалаш».

– Это входит в стоимость или дополнительно? – перепугался парень.

– Входит, не волнуйтесь, – успокоила девушка.

Олег задумался. Вся это йоговская экзотика должна Ингу поразить. Она будет благодарна ему за то, что затащил ее сюда, и это благотворно-сексуально отразится на нем.

Они зашли в комнату, положили вещи и, так как до церемонии оставалось еще немного времени, решили ознакомиться с окрестностями.

Вернее, с горой. На самой вершине стоял портрет какого-то известного йога и перед ним горела свеча, расточая благовония. Олег притянул к себе Ингу и поцеловал в губы. Она ответила. Олег захотел еще раз, но девушка стала сопротивляться. Он зло отошел в сторону и сел на траву. Луна висела прямо над головой. Инга села рядом. Он положил ей руку на плечо. Она произнесла:

– Не знаю от чего, но я боюсь тебя.

– С чего вдруг? Я не кусаюсь.

«Боюсь» звучало абсолютно неуместно. Может, больше подходило «не люблю» или «не нравится». Странно все это. Если она поехала с ним в лагерь, значит, он ей нравится, значит, там наверху, в комнате, будет праздник любви и счастья. Страх абсолютно противоположен тому, что будет потом по модулю, по всем законам математики и физики. Ну ладно – впереди экзотический потный шалаш. Он правильно расставит знаки над модулями. Модуль – дурацко-музыкальное слово.

Больше всего на свете «творческий писатель» любил переводить. Самым интересным была каша из разных языков. Например, взять стихотворение Тараса Шевченко на украинском, перевести его на французский, потом французскую версию на английский, а что получилось – на русский. На французском он знал 50 слов, на украинском 200. Еще была дюжина слов на идише и итальянском. Он ни в коем случае не был полиглотом, то есть человеком, для которого выучить иностранный язык легче, чем справить естественную нужду. Переводы, конечно, получались хреновые, но когда удавалось хоть одну строчку перевести близко к оригиналу, вся душа пела. Сочетание утилитарного американца с утонченным французом и добродушным улыбчивым украинцем успокаивало психику. Кто-то когда-то разрушил Вавилонскую башню, а кому-то теперь необходимо ее восстанавливать. Медленно и кропотливо! По кирпичику в год!

О.Джей Пушкин, Адольф Клинтон, Саддам Буш, Иосиф Виссарионович Моника-Левинский, Владимир Ильич Леннон, Никита Сергеевич Кобейн, Леонид Ильич Гейтс, Михаил Сергеевич Чернобыльский, Борис Николаевич Майкл-Джексон.

У озера активисты под руководством Ране развели большущий огонь. В него положили крупные камни. Потом начали возводить шалаш. Вначале вырос деревянный скелет, напоминающий останки огромного динозавра. Потом шурами заделали щели. Скоро все было готово. Олег и Инга наблюдали за этим с горы. Языки пламени выхватывали из темноты лица. Ране дала знак всем желающим зайти внутрь.

Олег и Инга в спортивных костюмах зашли в шалаш. В руках Олега было полотенце, в котором был спрятан маленький фотоаппарат, хотя, конечно, вряд ли это было здесь разрешено. Они пролезли через головы и тела уже находившихся внутри и с трудом

протиснулись к стенке. В шалаше было холодновато, стояла абсолютно непроглядная тьма. Внезапно он забыл про Ингу. Почему забыл?

Вроде бы она рядом. Грудь ее бьется, как волны, а нету ее — и все. Строение шалаша по древним индейским законам будило Настоящего Хозяина внутри. Инги не существовало. Имена всех его женщин начинались с «И» и заканчивались на «А». Ира, Ирма, Инна, Инга. Менялась только одна или две буквы посередине. А, может быть, этих женщин никогда не было и не будет? Возможно, они даже никогда не рождались?

Ресторан на углу 23 улицы и 8 авеню. Красная крыша. Воскресенье, вечер. Парень с девушкой ждут официанта.

— Ну, в принципе, мне поездка понравилась. Спасибо, что ты меня затянул.

— Извини, я хочу тебя что-то спросить.

— Ну?

— Если бы я тебя в первую ночь изнасиловал, ты бы меня посадила?

— Да.

Вилка и нож падают на тарелку. Раздается режущий ухо и тишину звон. Парень встает и идет по направлению к выходу. Девушка кричит:

— Саша! Я не хотела тебя обидеть! Я погорячилась! Я бы не заявила!

В подарок критику и читателю автор сорвал с себя маску и признался в автобиографичности текста. Дело в том, что пишущий эти строки уважает и ценит нелегкий труд критика и с радостью даст подвергнуть свое бесценное детище и самого себя литературному, психологическому

или даже марксистскому анализу. Автор даже может сам добровольно сдать все необходимые анализы.

Еще одно замечание: почему писатель поставил конец в середину? Ведь некоторые молодые читатели мужского пола уже штаны расстегнули и взяли в руки свои штуковины в предвкушении

жаркой ночи любви, мастерски и в деталях описанной писателем? Многие девушки, если бы знали, что наткнутся здесь на заключительные строки, припасли бы сатиновые платочки с вышитыми сердечками, чтобы утирать слезы. Ответ предельно прост. Во-первых, у данного автора полностью отсутствует талант к детальному описанию. Когда он пробует это делать, у него начинает чесаться пятка и ему хочется съесть салат «оливье». Во-вторых, это так ему пришло в голову, а он известный эгоист, и ему на всех остальных наплевать, начхать, а на некоторых – насрать!

Она сама пригласила его в кровать, разделась, просит чтобы он ее массажировал, а самого главного не дает. Она хочет, чтобы ее взяли силой! Ну дай ей пощечину! Вперед! En avant!!! Мужик ты или нет?

Нет. Не могу. Она, конечно, прикидывается, но я не хочу в тюрьму. Тюрьма – это самое страшное. Кроме того, если я ее ударю, это будет означать? что я ее хочу. У нее появится такая уверенность. Фанатизм или догматизм. Но ведь это не я. Я не знаю, хочу я ее или нет. Если она рассчитывала, что я применю силу и поддамся ее фантазиям, она крупно просчиталась. Конец абзаца.

Вот вверху еще один опус этого, так сказать, писателя. Он раньше бабки в пекло суется. Придется объяснить немного. В конце вечера Олег с Ингой вернулись в номер. Инга разделась и стала ходить голой по комнате. Олег засмутился. Она ему сказала: «Не стесняйся». Он тоже остался в чем мать родила. Инга легла и попросила его лечь к ней в постель и помассажировать спину. Олег немного помассажировал и захотел помассажировать что-то еще. И не руками. Но был с неподдельным гневом изгнан из кровати. Потом она предложила парню спать рядом с ней, но без фокусов. Парень попробовал немного, но фокусы не давали спокойно спать и хотели встать и активно делать то, для чего были созданы. Олег был изгнан из ложа второй раз. На этот раз – окончательно. Причины поведения Инги не были ясны. Может, она сумасшедшая? Может, действительно мечтала об изнасиловании? Ладно, не мне, презренному графоману, об этом рассуждать. С главным героем бы

разобраться. Если дырка в голове, надо пить зеленку.

– Алло! Моя невеста заказала у вас французский унитаз. Наш дом уже построен, через неделю свадьба, а ЭТОГО нет! Вы сказали, что от 4 до 8 недель. Уже прошло три месяца. Я буду жаловаться вашему начальству. Вы знаете кто у меня отец? Вы через секунду вылетите.

– Извините нас, пожалуйста. Унитаз сделан и отправлен, но во Франции забастовка портовых рабочих.

– Что вы мне лапшу на уши вешаете? Какая забастовка к чертовой матери? Где мой унитаз? Вы сказали, не пройдет и двух месяцев.

– Но кто же мог предсказать, что у них не полная зубная страховка.

– Какая страховка? Какие зубы?

– Ну, пломбы покрывает, а каналы нет.

– Ты что, издеваешься?

– Ни в коем случае.

– Ты знаешь, с кем ты говоришь? Ты знаешь, кому ты свадьбу срываешь? Я Джон Ротти. Мой отец – представитель самой известной братвы Нью-Джерси. Я сам недавно бейсбольной битой проломил одному идиоту голову за то, что он мою машину срезал. Идиот, когда пришел в себя и узнал, кто мой папа, полицейскому сказал, что сам случайно на мою битку упал. Так вот сейчас я сажусь в машину, еду в вашу конторку и мы поговорим про зубы, про каналы. Посмотрим, сколько тебе зубов надо будет вставлять после нашего разговора.

На другом конце провода бросили трубку. Олег зашел в кабинет босса.

Страх.

– Звонил Ротти. Он сказал, что сейчас с битой придет, и нам всем тут плохо будет.

Босс схватил трубку громкоговорителя:

– Всем служащим компании! Сегодня рабочий день заканчивается в три часа дня.

Было слышно, как довольные служащие табуном повскакивали и начали одеваться. Олег развернулся, чтобы тоже уходить.

– Тебе, Олежка, придется остаться и отвечать на телефонные звонки.

– Но он же сумасшедший мафиози. Он же меня убьет!

– Ты эту кашу заварил – ты и расхлебывай.

– Что я сделал? Кто знал, что у них во Франции зубные каналы грузчикам не лечат?

– Надо было предупредить, что 4-8 недель, если ничего не случится.

– Откуда я знал про забастовки?

– Теперь будешь знать. Не забудь потушить в пять часов свет на этаже, когда уйдешь, – закончил босс, надевая пальто и вылетая пробкой из офиса.

Олег вернулся в пустой зал. Часы показывали 3:10 и как будто заснули. Ну, Джон один раз ударит... Упасть и не вставать, как приходилось делать в детстве? А, может, посопротивляться? Взять какой-нибудь железный прут и дать ему по башке, как только он выйдет из лифта.

Но если он серьезно повредит сына крестного отца местной мафии, ему точно не жить. К жизни, полной экзистенциальных тревог, добавится куча других, с философией напрямую не связанных. Этот прут – это выход в другой мир, мир протоколов, допросов, казенных домов-тюрем, отведенного времени на еду и на сон. Будь что будет. Убьют так убьют.

Ожидание. В соседнем небоскребе чернокожая женщина пудрится на рабочем месте. Очень симпатичная, или это расстояние и два окна делают ее такой? Вот уже я слышу, как кто-то внизу вызвал наш лифт. Этот лифт, скорее всего, едет к нам на этаж. Прощай, красивая черная девушка в окне!

В плотно забитый людьми шалаш стали вносить раскаленные докрасна камни. Их клали в специально вырытую ямку в центре. Ране брызнула на них водой, и густое облако пара мгновенно повысило температуру в шалаше градусов на тридцать. Уже было не холодно. Скорее жарко.

Она медленно запричитала:

– О, великий Бог земли, огня и воды Арну. Сегодня мы пришли просить у тебя счастья.

Все хором повторили:

– Дай нам удачи на охоте и на рыбалке. Пускай бизоны, никогда не увидят, как мы к ним подкрадываемся.

Хор прогремел фразу о бизоне.

Ране еще раз плеснула воду на камни. Стало очень жарко. Олег жару переносил гораздо хуже, чем холод. С детства он обливался холодной водой и обтирался снегом. Температура дошла уже до критической отметки. Вот есть у человека суточная норма приема водки внутрь – 300 грамм, для примера. Если же он возьмет на грудь только 250, то будет чувствовать себя обделенным, а если 350, то упадет под стол, или его вырвет на собутельника, или даже на любимую девушку.

Так вот, Олег уже почувствовал, что, если он сейчас всех не растолкает и не выскочит из этой халабуды, он умрет. Как же, зараза, силен этот чертов инстинкт самосохранения! Когда же он изживёт этот буржуазный предрассудок?

Но если он сейчас выскочит, а Инга останется там, то ей может понадобится его помощь. Во-вторых, обряд, конечно, дело интересное, экзотическое. Потом будет жалеть, что смалодушничал. В-третьих, за стенками шалаша отчаянно забился ливень... Если он выйдет сейчас, что он будет делать один под дождем? Что он на этой земле будет один делать?

Стрелка остановилась на 5 часах. Можно было уходить. Грозный Джон Ротти не пришёл. Взял на понт. 21-ая и 8-я. Накрапывает дождик.

Спешат людишки. Не остановятся, не подумают, как великолепна жизнь во всех ее безжалостных проявлениях.

Дохожу до входа в метро на углу 23-ей и 8-ой.

Олег задумался. Ну что, нырнуть в этот туннель пространства и времени и выскочить через час в другой плоскости, то есть в Бруклине, в пролетарском и мелкобуржуазном Бенсонхерсте, которого просто нет. Есть дома, магазины, рестораны, а района нету. Наверное, самый безликий район Нью-Йорка. «Может мне, – догадался Олег, – поэтому там так нравится жить. Нет меня в Бенсонхерсте, в армии этих двухэтажных кирпичных домиков, есть Бенсонхерст внутри меня, это дыра и незаживающая рана».

Электронное письмо: «Дорогой французский друг Пьер. Как это ни печально, у Липмана я больше не работаю, сам не понимаю почему.

Я думал, что хоть продавать унитазы я подойду, но, как заметил один классик, «не рассчитал, как квадратуру круга». Вот такой я ни к чему не годный человечек.

Спасибо за приглашение переехать к тебе в Бордо. Куда я из Нью-Йорка? Спасибо, конечно, что ты на улице красных фонарей нашел проститутку, от которой я, по твоему мнению, должен быть без ума, но это еще одна причина, по которой я не могу туда поехать. Итак не шибко умный. Еще я тебе всю компанию развалю. Еще твой дед и прадед там первые унитазы для Людовика XIV мастерили. Еще в твоей любимой Франции надо знать французский, иначе ты человек второго сорта, а, учитывая, что я человек, который чувствует себя третьим сортом даже в стране, язык которой неплохо знает, то что будет во Франции? Страшно даже подумать.

Когда будешь по делам в Нью-Йорке, позвони. Вновь посетим «Жаркие Ночи». Цыгане будут тебе петь печальные песни, и их зажигательные женщины удобно примостятся прямо у тебя коленях. Если Лоретта не вцепится в волосы одной из них, как в прошлый раз. Она у тебя настоящий огонь».

— Олег. Зайди ко мне в кабинет на секундочку.

— Да-да, мистер Липман.

— В шесть часов прилетают наши поставщики из Бордо. Все равно ты здесь ничего толком сделать не можешь. Вот тебе наша корпоративная кредитная карта. Бери лимузин с Джеком, чеши в аэропорт и покажи им Нью-Йорк. Я сегодня занят по горло. Своди их к Статуе Свободы или во Всемирный Торговый Центр. Только учти, что если они останутся недовольны, то ты будешь уволен.

— Мистер Липман. Я же стараюсь.

— Вперед и с песней!

Джек! Гони в аэропорт Кэннеди. Как жена, детишки? О, Майк уже в школу пошел! По математике он сильнее всех в классе. Ну, какое умное потомство ты даешь. Аккуратней, идиот, красный цвет. С твоей точки зрения это был желтый. Ну ладно, а жена как? Она в госпитале лежала, я слышал. Теперь все в порядке. Простуда — это, брат, дело серьезное. А как твой другой сын, как его там Жди здесь...

Извините, вы мсье Пьер Дюпон? Меня прислал вас встретить

мистер Липман. А вы, должно быть, мадам Дюпон. Какой от вас перегар. В полете вам скучать, по всей видимости, особо не пришлось.

Я не мадам Дюпон. Мадам Дюпон осталось в Бордо. Я – Лоретта, и надеюсь, что скоро стану мадам Дюпон, если этот дегенерат не обманет меня в сто первый раз и уйдет от этой старой карги.

Да-да, конечно, извините меня мадам Лоретта. Не надо в мсье Дюпона тыкать пальцем. Я уверен, что у него насчет вас самые благородные намерения. Вот наш лимузин. Джек, что у нас здесь есть – коньяк, виски, шампанское? Вот вам всем понемножку. Извините. Французский мой слабенький. Мистер Липман встретит вас завтра утром. Что вы хотите посмотреть? У нас есть великолепная Статуя Свободы. Ваша соотечественница, между прочим.

– Все француженки – полные бляди. Я на них уже во Франции насмотрелся. Как тебя зовут?

– Олег.

– Ты русский? Вот здорово. Так вот, на хуй всех француженок вместе взятых!

– У нас есть полные величия небоскребы Всемирного Торгового Центра. С крыши будет виден штат Нью-Джерси, а также Статуя Свободы.

– Ебля во все дыры – это Нью-Джерси вместе со статуей Свободы.

– Как вы хорошо говорите по-английски. Ну, хорошо. Давайте пойдем в ресторан. Называется «Жаркие Ночи».

– О, это мне уже нравится. Вперед, в «Жаркие Ночи»! Олег, я недавно почитал вашего Лермонтова. Крутейший поэт. «Убит поэт, невольник

честь. Пал, оклеветанный молвой. С свинцом в ...»

– Да-да Лермонтов, конечно, молодец. Джэк, рули в Верхний Манхэттен. За счет компании можно будет неплохо посидеть.

В темноте «Потного Шалаша» заплакал младенец. Так, наверное, плачут люди, заживо погребенные в полной темноте без шансов на спасение. Как там у Джойса... – «неотменимая модальность слышимого». В такой обстановке это больше чем плач. Это схема, пропуск во все измерения сознания. Ране тут же ловко вставила эти звуки в заклинания:

– Мы приходим в эту жизнь в полной темноте материнской утробы. Так же, как и этот ребенок, мы боимся незнакомого и странного. Великий Арне! Дай нам силы пережить все, что этот мир заставляет нас пережить. Дай нам сил пронести нашу ношу с поднятой головой и не кривя душой.

Ране вновь брызнула воду, и температура в шалаше поднялась еще на двадцать градусов. Половина присутствующих поползла к выходу. Олег почувствовал, как его уносит и как его дух покидает шалаш и начинает медленно подниматься вверх. Уже виден сверху гигантский шалаш у пруда с хлещущим вокруг дождем, еще выше – и уже видны окружающие горы, а вон и городишко Монро, а вот еще выше, с облаков, видны далекие небоскребы Нью-Йорка. Если еще подняться, то можно увидеть город на другом континенте, где родился, про который уже все забыл, но от которого остался уникальный акцент, это украинское мягкое «Г», которое является паспортом в модальное. Если подняться еще выше, можно будет увидеть весь земной шарик и себя в нем на Северо-Американском континенте в шалаше к западу от Нью-Йорке, задыхающегося от пара, если... Тут ненавистный визг Инги возвращает его в шалаш, в реальное время:

– Перестань на меня капать потом. Думаешь, приятно его нюхать? Лифт начал свой забег вверх. Олег взял ручку с бумагой и написал.

+ БОБИК

БАРБОС

СОБАКИ

Когда-то, много лет назад, он узнал эту загадку. Надо так заменить буквы на цифры, чтобы сумма бобика и барбоса равнялась собакам. Эту задачу он пробовал решить уже лет десять. Иногда он исписывал уравнениями целые тетрадки. Пару раз он был близок к решению, но не хватало терпения, тетрадка терялась, в следующий раз он опять начинал сначала. Иногда Олег думал, что в глубине души он не хочет ее разгадать. Что тогда делать в напряженные моменты? Как тогда успокаиваться?

Инга ткнула его локтем в живот еще раз: «Перестань капать на

меня потом». Олег осмотрелся вокруг. Внезапно стало скучно. Повышение температуры дальше уже ничего не сможет сделать с его телом. Нервы уже не посылают сигналы в мозг. К нему сейчас можно утюгом раскаленным прикоснуться – он ничего не почувствует.

На ватных ногах, шатаясь, он добрался до выхода, отдернул шкуру какого-то несчастного зверя и выпал на волю.

Гори, гори моя звезда,
Широких дней моих отрада.
Есть у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.

– Олег! О чем они поют?

– Они поют о несчастной цыганской судьбе, о любви.

– Я не понимаю русского, но это великолепно. Вели нам еще водки!

– Официант, еще графин «Кремлевской», пожалуйста.

– Олег! Ты не представляешь, что такое сделать настоящий унитаз. На моей фабрике же штучное производство. Несколько столетий назад на месте моей фабрики была деревня. Но в каждом дворе там жили унитазные ремесленники. За сотни лет каждую детальку филигранно, с точностью до одного миллиметра, научились делать. Лоретта, расскажи ему про Ле-Сен-Жуан.

– Да, Олег, вам надо к нам приехать. Нет места в мире лучше, чем Франция. Да и готовить больше нигде не умеют, за исключением «Жарких Ночей», конечно.

– Да что ты ему об этом говоришь? У всех русских должна быть ностальгия по Родине. Я по телевизору фильм видел, так они все поголовно плачут, плачут часами, вспоминая березки.

– Не плачу, да и не русский я, и от природы меня тошнит.

– Тю, а откуда же ты?

– С Украины.

– Ну, так по неньке Украине рыдаешь, наверное?

– Да я и не украинец.

– А кто же ты?

– Если бы я знал? Давай еще выпьем. Попробуй балычка.

– Ой, какой сказочный балычок. Предлагаю тост. Лоретта, возьми бокал. За нашего путеводителя по Нью-Йорку и человека, только вступающего на славный путь производства передовой сантехники, Олега.

– Спасибо, Пьер.

– Я вижу в тебе, молодой человек, великие задатки. Я уже вижу, как ты у Липмана дорастаешь до лидирующих позиций, как ты выкупаешь у него компанию или открываешь свое дело.

– Да что вы! У меня и так не очень хорошо получается.

– Получится. Самое главное, что ты человек хороший, а унитазы плохих не любят. Они как женщины. К ним правильный подход нужен.

Второе свидание с Ингой. Жду у входа в метро. Где же она? Второе свидание, и она уже едет к нему домой. Во какой он крутой мужик! Даже не верится. Она должна была приехать в час, а уже полвторого. Так и знал. Она обломалась. Возвращаюсь домой. Депрессуха. Звонок.

Это ты? Где ты пропадаешь? Я уже думал, что ты передумала. У метро. Бегу. Жди меня, не уходи.

..... Привет. Как дела? Я взял фильм в прокате. Да-да, интересный.

Комедия. Вот проходи, давай я помогу тебе снять пальто. (Эпиграф.

Как он сюда влез – ума не приложу.

Неотменимая модальность зрительного.....

.....неотменимая модальность слышимого..... .

Теперь открой глаза. Открываю. Постой. А вдруг все исчезло за это время? Вдруг я открою и окажусь навеки в черноте непрозрачного.

Дудки! Умею видеть – буду видеть.

Вот я включаю фильм. Сейчас хохотать будешь. Да-да, садись прямо на ковер. Так удобней будет. Ковры чистейшие. Я на секунду на кухню. А вот и вино. Французское. Пятилетней выдержки. Хорошее. Ну, за знакомство! А-а-а-а. Я говорил, – отличное вино.

Жарковато. Снимай кофточку. Ешь пиццу. Только принесли. Еще горячая. Кофточку снять не хочешь. Давай я повешу на вешалку.

Смотри, сейчас он этого перепутает с тем. Вот умора будет. Ну не могу я смотреть, как ты эпиграф всунул в середину, посреди абзаца, и даже слова. Тебе не стыдно? Традиционная форма романа вырабатывалась столетиями, а ты... Ты думаешь, тебе все можно? С кого пример берешь? С этого говнюка Штерна? С этого дегенерата Джойса? Тьфу ты. Глаза бы мои тебя не видели. Кончается сцена соблазнения на дому очень неправильно. Инга целуется жарко в губы. Дает себя раздеть до трусов, и ни шагу дальше. Олег понимает, что это только вторая встреча и особенно не настаивает. Он уверен, что от него не убежит. Олег вылезает из шалаша на карачках, доползает до пруда и валится в холодную воду в спортивном костюме. Ему кажется, что он сейчас потеряет сознание, утонет и встретится с Арно лично. Все тело дико ломит. В пруде холодно, и беспокоит мысль – неужели это всё? С трудом выползает на берег и валится в большую лужу перед шалашом. Дождь идет как из ведра. Вода везде, снизу, сверху, справа, слева. Непонятно, где небо, где земля. Кружится голова, и он проваливается в пропасть.

Прошла 1 минута.

2

3

4

5

Очнулся от холода. Уровень воды почти доходит до рта. О, святая Мать-Ночь! Отец-Горы! Братья-Сосны! Сестры-Колючий-Холод! Как можно описать это состояние? Лежание в луже. Он вспоминал детство, валяющихся алкоголиков, и ему казалось, что они валяются по причине собственного жлобства, но сейчас он понял, что из лужи открывается невиданная перспектива. Ты не чувствуешь себя хозяином мира, не чувствуешь себя рабом. Лежа в противной холодной луже, ты чувствуешь себя миром.

Олег зашел в кабинет мистера Липмана.

– Сэр! Мне надо с вами поговорить.

Мистер Липман оторвался от бумаг и поднял голову.

– Да-да. Я тоже хотел с тобой поговорить.

– Во-первых, сегодня я хочу уйти вместо 5 часов в 3:30. Я уезжаю с девушкой в пансионат в горы на выходные. Во-вторых, я

работаю уже год в вашей компании и пускай у меня не все всегда получается, но Бог видит – я стараюсь. Так что небольшая прибавка к зарплате мне бы не помешала.

– Ну что же, молодой человек, придется тебя немного расстроить. Я посоветовался с менеджером, и мы решили тебя уволить.

Мысли. Как странно они мелькают! Увольнение задает новые вопросы. Миллионы разных новых дорог открываются. Как же он сам не решился уйти. Или он уже за год относительно сытной жизни забыл, что значит быть без работы. Но все равно теперь его жизнь как-то должна измениться. Он, может, станет электриком или профессиональным шахматистом, продавцом вяленой рыбы или таксистом. Увольнение? Ура! Увольнение?

Ой!

– Я думал, что у меня получается.

– Мы тебя терпели целый год. Ты не создан для унитазов.

– Но почему, сэр? Не я ли вручную поменял на них все цены в этом году?

– В половине случаев ты ошибся. После тебя пришлось переделывать.

– Но вы мне указали на ошибки, и я больше их не допускал.

– Самое главное – я не вижу в тебе любви к унитазам. А без этого

в нашей профессии нельзя. Это для нас самое святое!

Первая встреча с Ингой. На дне рождения у знакомого. Они вместе потанцевали. Через пять минут целовались. Ну, эта, вроде, должна дать, цинично подумал Олег. Завтра же позвоню ей и приглашу к себе домой.

Олег вернулся назад в шалаш. Крики Ране больше не казались чем-то экстраординарным и экзотическим. Теперь все было предсказуемо и скучно. Не помогала ходившая по кругу длинная трубка мира с какой-то гадостью. Лучше бы они бутылку водки пускали. Жара от камней навевала зевоту. Он засунул руку в карман куртки и достал фотоаппарат. Может, потом на снимках будет казаться, что интересно провел время. Когда раздался щелчок, и пространство шалаша на секунду из темноты выхватила

вспышка, толстый мужчина повернулся к нему и недовольно фыркнул: «Нет для тебя ничего святого». Олег молча положил камеру в карман, сказал Инге, что идет в комнату, и направился к выходу. Пора было, наконец, заняться тем, для чего они сюда приехали на самом деле.

+БОБИК

БАРБОС

СОБАКИ

Ну, значит, что явно, так это то, что C на один меньше B . $B + 1 = C$. Отсюда B меньше C , и C больше B . Дальше. B и C не могут быть нулем, потому что целое число не может начинаться с нуля.

Соответственно, B также не может быть девяткой. Тут, вроде, все ясно, идем дальше. K и S . Ни K , ни S не могут быть нулем, потому что тогда бы I было равно одному из них. Начинаются варианты.

Суммы K и S , то есть число I больше десяти или меньше? Если
меньше.....

Конец твоим страданиям читатель. Конец твоим страданиям читатель.

Конец твоим страданиям читатель

Посвящается Анне Геновой.

Александр ГАЛЬПЕР,

США. Некаýalar